

CRIME THRILLER HORROR

Кеннет Дж.

Харви

Жертва

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА

Кеннет Харви

Жертва

«Центрполиграф»

Харви К. Д.

Жертва / К. Д. Харви — «Центрполиграф»,

Стэн Ньюлэнд – канадский бизнесмен, занимающийся съемками и тиражированием садопорнофильмов с реальными убийствами. Он назначил двадцать тысяч долларов за голову своего подчиненного Дэниела Ринга – киллера, который решил самовольно выйти из игры. Спасаясь от шефа, Ринг приезжает в Нью-Йорк, где неожиданно сталкивается с девушкой из своих снов – Алексис Ив, красивой молодой сотрудницей рекламного агентства. Теперь героев связывают непостижимые мистические узы, и ужас неотступно следует за ними...

Содержание

Часть первая	5
1. Нью-Йорк	5
2. Торонто	9
3. Нью-Йорк	11
4. Торонто	15
5. Нью-Йорк	18
6. Торонто	22
7. Нью-Йорк	26
8. Торонто	31
9. Нью-Йорк	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Кеннет Дж. Харви

Жертва

Джен, моей любимой

Часть первая

ПРОВЕСТИ ЧЕРТУ

1. Нью-Йорк

Алексис Ив слишком глубоко погрузилась в мысли, чтобы заметить слезку. Выйдя из «Блумингдейла»¹ на морозный воздух нью-йоркской зимы, она на минуту положила сверток, чтобы надеть перчатки. Она обдумывала новую рекламную кампанию для «Адачи», мысленно повторяла слоганы, не уверенная, что они доживут до трех часов завтрашнего дня, на который был назначен срок исполнения заказа. Алексис одновременно была копирайтером и контактором², вечным двигателем в одну женскую силу, как она в шутку частенько себя называла. С беспокойством она подумала, придется ли ей увидеть завтра, как представители «Адачи» сначала одобрительно кивают, а потом улыбаются.

Морти уже несколько дней проявлял озабоченность. Потихоньку, в своем обыкновении, он добился, чтобы она провела презентацию специально для него, с глаза на глаз, прежде чем показывать ее клиентам. Эта презентация должна состояться через час. Алексис всегда тянула до последнего. Так она чувствовала некую дополнительную остроту, приток энергии, на волне которой все сходилось, давая хороший результат.

Она готовила кампанию для «Адачи» и еще одну для управления шоссежных дорог района Хадсон-Вэлли, которому требовалась серия рекламных роликов и плакатов о безопасности дорожного движения с упором на осторожность при обгоне. Она чуть запаздывала с этим заказом, но сейчас ей не хотелось о нем думать. У нее и так дел по горло. В работе было еще несколько проектов, а дома новые соседи – заядлые полуночники, с их стороны доносились странные звуки явно сексуального характера, но при этом какие-то уж очень агрессивные. Или, может, она все напридумывала? Что в наше время вообще можно назвать слишком агрессивным?

– Боже ты мой!

Она вдохнула холодный предрождественский воздух и повернула в сторону фонарей, не сообразив, что уже проскочила мимо Музея современного искусства и дошла до самой 56-й улицы. Ей оставалось пройти один квартал. Она не заметила, что на другой стороне улицы стоит мужчина; его пронизательные карие глаза улыбались из-под густых, черных, зачесанных набок волос, глядя, как Алексис поправляет на плече ремень сумки; руки он держал в карманах черного шерстяного пальто.

Алексис смотрела прямо вперед, задумавшись, и вместе с толпой прохожих ждала, пока на светофоре загорится зеленый. Она пыталась сосредоточиться, сфокусироваться на чем-то важном. Мельком заглянув в пакет с покупками, который держала женщина сбоку от нее, Алексис увидела рождественский подарок в праздничной упаковке и тогда поняла, что ее трево-

---

¹ «Блумингдейл» – один из самых дорогих универмагов Нью-Йорка. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Контактор – руководитель рабочей группы рекламного агентства, ведущий работы с крупными клиентами.

жит. Дэрри. Сколько уже она ничего не слышала о нем? Недели три? Месяц. Одинокое Рождество. То, что нужно: опять, как и в прошлом году, проработать все праздники напропалую, делая вид, что нет вообще никакого Рождества... А в душе надеяться на звонок или подарок от Дэрри, и это даст ей возможность сделать передышку, влиться в веселье, снова почувствовать рождественский дух.

Толпа с обеих сторон и сзади двинулась вперед, перешла улицу, быстро зашагала по 5-й авеню. Обегая глазами толкотню на обеих сторонах улицы, она не удержалась и сказала про себя: ты посмотри только, сколько народу. Миллионы человек в одном только этом городе. Почему же так трудно найти одного приличного мужчину?

Мужчина следил за Алексис от самого ее офиса, откуда она вышла во время обеденного перерыва. Он видел, как она забежала в «Серебряные вилки» на углу 3-й и 54-й, чтобы пообедать, и несколько раз прошел мимо окон, мельком выхватывая взглядом ее одинокую спину за столиком. Он даже вошел внутрь и постоял в короткой очереди, делая вид, будто ждет, пока освободится место, глядя, как она ест, всматриваясь в мягкость выражения ее лица. Она пару раз оглянулась, когда кусочек сэндвича случайно повис у нее на краешке губы. Капля дижонской горчицы обожгла ей уголок рта; вытирая ее, она улыбалась про себя. Когда подошла его очередь, человек повернулся и ушел. Он задержался у дверей и смотрел, как выходит Алексис, натягивая перчатки, потом шел за ней всего в нескольких шагах, думая, как естественна ее походка, как плавно покачиваются волосы до плеч, как они густы. Он шагал в ногу с ней, подходя ближе, пока Алексис не вошла в двери универмага. Когда в конце концов она вышла, человек представил себе, будто он – небольшой пакет в ее руках. Какая-то симпатичная вещица, которую она купила для себя.

Он следил за ней четыре дня подряд, изучал ее образ жизни, с тех самых пор, как прилетел прямым рейсом из Торонто. В первый раз он заметил ее совершенно случайно, когда она выходила из «Матрицы» – офисного здания, в котором работала, и его поразило, насколько она похожа на женщину, которая в последнее время снится ему. Во сне она поднимала к нему руки, их пальцы переплетались и оба они улетали в небо, не испытывая ни печалей, ни тревог. Потом он узнал, где именно она проводит рабочие часы, он поднимался вместе с ней на лифте, смотрел, как она идет по коридору, складки ее длинного темно-синего пальто покачивались, и она входила в стеклянные двери с надписью: «Рикнер и компаньоны».

В пять часов он ждал, когда она спустится вниз, и она появлялась, именно такая, как он и ожидал, она уже практически принадлежала ему, он уже так много о ней знал, что почти владел ею. Он хотел подобраться как можно ближе, чтобы знать множество подробностей ее жизни, когда наконец-то они встретятся лицом к лицу. Чтобы всегда одерживать верх, неуловимо играя на ее симпатиях и антипатиях, легко завоевывая ее доверие.

Но следовать за Алексис до дома было для него нелегкой задачей. Порой она брала такси, а иногда добиралась на метро. Оказалось, что это труднее, чем можно было предположить. Мужчина проталкивался сквозь толпу, стараясь не отставать от Алексис, пробиравшейся в давке на платформе метро, или застревал далеко позади, когда ее такси лавировало между машинами.

В тюрьме ему часто приходилось слышать от заключенных о том, как они следили за женщинами, особенно от сокамерника Стюи, которого там прозвали Мясником. Ему удавалось легко установить, где живет женщина, но обычно это бывало в городах поменьше. В местах, где жизнь идет медленнее и люди не такие осторожные. Теперь же он вышел из тюрьмы и потому дал себе зарок забыть о том, что слышал, о всяческих жестокостях и личных извращенных страстях, которые придавали индивидуальность каждому преступнику. Наклонности выявляли их не хуже ДНК.

Ему не хотелось думать о прошлом, он гнал мысли о заказных убийствах, которые выполнял в крупных канадских городах – Торонто, Монреале, Ванкувере, – или о занятии его босса Стэна Ньютленда – видеобизнесе, съемках пыток, к которым его постепенно приучили. Хотя он рта не раскрыл об этом, когда его арестовали и засадили по пустяковому обвинению в незаконном хранении оружия. Отворачиваясь от этих мыслей, переходя улицу, он широко шагал, чтобы обогнать взрывы тел, крови и человеческих воплей, которые возвращались к нему и врывались в его сознание, словно бешеный речной поток.

Мужчина задумался, и расстояние между ним и Алексис чуть увеличилось. Чувства, которые он испытывал к ней, как-то поразительно ярко подчинили его себе. Он смотрел на ее затылок, ее профиль, когда она задержалась у витрины, опустив глаза, чтобы рассмотреть выставленные ноутбуки под вывеской магазина «Мегабайты у Марри», потом осторожно коснулась прохладных губ языком и заправила длинные, до плеч, каштановые волосы за ухо, открыв сережку – тонкую серебряную филигрань.

Мужчина пытался совладать с чувствами, вспомнив, как в прошлом подобная слезка обычно приводила к вскрытой двери. Заглушенный крик, намотанная на шею провололочная сетка, зубы, клацающие о дуло пистолета, ножовка поперек рта и грязь, жуткая грязь... в основном дело касалось мужчин.

Кровавая работа. Предупреждение о том, чтобы помалкивали. Отрезанный язык, аккуратно уложенный в бархатную подарочную коробочку и отправленный по почте. Предостерегающие слова, вытравленные на человеческой плоти.

Стряхнув с себя эти воспоминания, он зашагал в ногу с быстрой походкой Алексис. Она бросила взгляд налево, и мужчина отметил сосредоточенное выражение ее лица. Ее что-то заботило. Она деловая женщина. Ему захотелось, чтобы она подумала о чем-нибудь забавном. Она часто так делала, сама себя развлекала, улыбалась или коротко посмеивалась. Юмор – единственное, что не давало ему пасть на колени с разбитым сердцем, разбитым из-за всего того ужаса, который творится в этом пришедшем в негодность мире. А он упорно старался все исправить, навести идеальный порядок, как и его отец. Всегда ставил вещи на место. У него было свое время и место для всего, но только того, что существовало теперь, в настоящем, которое творит будущее. Полное отрицание прошлого.

Чувство юмора. Это ему нравилось в женщине. Смешливость. Она обладала простой и сдержанной красотой и потому так возбуждала. Он был уверен, что она не считает себя красавицей, что делало ее красоту чем-то гораздо большим, чем комбинированная привлекательность всех этих нереально идеальных женщин на одно лицо, проходивших мимо нее.

Полностью разобраться в Алексис ему было легко. Получилось с первого взгляда. Тайное желание души проявилось в его снах. Давным-давно его народ называл такие откровения словом «ондиннок»³, и считалось, что нужно немедленно подчиниться тому, что открывалось во сне, действовать по его указаниям и воплотить его до конца. Иначе тело заболит и умрет.

Личность у Алексис была сильная и независимая, но открытая для сближения, ничего не скрывающая. С ней легко было сблизиться, сделать своей и удерживать сколько надо. Она была маяком и посылая ему сигнал. «Мне нужен кто-то, – говорил ее взгляд. – Я независима, но я одинока. Я ранима». Двойственность новой женской дилеммы. Сила и потребность одновременно. На этой путанице легко сыграть.

Мужчина бросил пятидолларовую бумажку в ящик для сбора денег Армии спасения. Женщина в униформе улыбнулась, и он коротко ответил ей тем же.

– Так держать, – сказал он ей, его дыхание превращалось в холодном воздухе в туман.

---

³ О н д и н н о н к – сокровенные благотворные желания души, верование индейцев ирокезов о том, что душа дает знать о своих естественных желаниях через сны.

Он помнил, как однажды они дали ему приют, он был в бегах, потерялся в слепящей метели на пустынном отрезке шоссе в канадской провинции Альберта, после того как его машина с трупом в багажнике съехала с дороги. Он нашел старую хижину у обочины, где переждал ненастье, прислушиваясь к отрывистым потрескиваниям в стенах, когда время от времени дерево трещало от сильного мороза. Его нашли двое из Армии спасения, взяли с собой без лишних вопросов, дали ему ночлег и накормили горячей едой. Они спасли ему жизнь. Истинные чудотворцы.

– Благослови вас Бог, – ответила женщина, передавая ему бумажный листок, который он быстро сунул в глубокий карман.

– Спасибо, – сказал он и заторопился дальше.

Он старался идти легкой походкой, сунув руки в карманы пальто, и позвал Алексис по имени сквозь редкую толпу, поднимавшуюся по невысоким ступенькам к входу в «Матрицу».

Алексис замедлила шаг и оглянулась через плечо, но человек не посмотрел на нее. Он быстро прошел вперед, мимо, чуть коснувшись ее локтя, а она искала человека, который позвал ее.

Прикосновение, сказал он себе. Первый знак запечатлен, хотя она даже не догадывается. Позвавший ее голос, хозяина которого она не смогла определить. Начало срыва. Она усомнится в своей твердости и станет более уязвима. Сначала испугать ее, потом подойти ближе, чтобы успокоить. Такое ухаживание на расстоянии, мысленное проникновение осуществить гораздо легче, чем обычный роман. Бесцветный оттиск впечатывается сильнее, закладывает основание для будущего дежавю, которое породит гораздо более прочную, глубокую привязанность.

Алексис стояла в вестибюле в ожидании лифта, спускавшегося за работниками офисов, возвращавшимися с обеденного перерыва. Она улыбнулась женщине со своего этажа, секретарю инвестиционной фирмы. Входя в лифт, она не заметила, что вместе с ней зашел и мужчина. Она не подозревала, о чем он думает, стоя рядом. Он поднимется с ней на восемнадцатый этаж, а потом будет смотреть, как она выходит из лифта и направляется к себе в офис.

«Завтра, – подумал человек, – я в первый раз позвоню ей в офис. Мне нужна рекламная кампания для моей новой фирмы». Какой фирмы? Он улыбнулся про себя, оглядываясь вокруг, но в его улыбке не было ни следа коварства. Это была теплая улыбка, с нею он опустил глаза к полу, рассматривая каблуки замшевых сапог Алексис, пока закрывались двери лифта. Его отделяло от Алексис всего два тела слева, и его разум играл, воображая, что он мог бы сделать с ней. Он украдкой глянул на ее профиль и вспомнил другие лица и то, что он с ними сделал. Но то было ради денег, и все они этого заслуживали. Алексис ничего не сделала, чтобы заслужить то, что он вспоминал.

Он подумал о том, какая у него будет новая компания. Или новый имидж для старой компании. Какой еще старой компании? Поменять имидж, сказал он себе. Вот что ему действительно нужно. Удалить, вырвать гнилой зуб. Или изменить лицо. Скоро Новый год. Смена масок вполне придется к месту, метафорическая смена лиц.

Завтра он позвонит и договорится о встрече. Чтобы стать видимым, войти в ее сознательный мир. Чтобы вновь началась его более реальная жизнь из сновидений.

2. Торонто

Зазвонил телефон, и Стэн Ньюлэнд быстро снял трубку. Он кивнул, сидя за столом красного дерева, и сказал:

– Двадцать тысяч долларов.

Потом он обвел взглядом обшитые красным деревом стены и посмотрел на портрет своей любимой скаковой лошади по кличке Гордость Канонира. Небольшой медный светильник бросал на картину яркий свет.

– Найди его. Нехорошо ему уходить, так и не навестив нас.

Свободной рукой Ньюлэнд рывком выдвинул верхний ящик стола и сгреб пачку фотографий молоденьких девушек, позирующих перед объективом. Все такие старательные. Он просмотрел глянцевые снимки, разметав большой ладонью по столу.

– Найди мне эту крысу. Если он не ходит к больной мамаше и не молится в церкви, тогда ты им займись, раскрой его никчемную индейскую шкуру на двадцать кусков, по одному на каждую штуку баксов, которую я даю.

Голос в трубке сказал Ньюлэнду, что, по всей видимости, Дэниел Ринг, он же Небесный Конь, уехал из города сразу же, как вышел из тюрьмы. Он освобожден условно-досрочно и находится под надзором.

– Плевать, найди его мне.

Ньюлэнд бросил трубку, думая, что трудненько будет заменить такого человека, как Небесный Конь. Он действовал без эмоций, а в их деле это превосходное свойство. Бесстрастный индеец, мечтающий отомстить бледнолицым. Тоже мне индейцы с идейной позицией, сказал себе Ньюлэнд. Канадские ниггеры. Он уставился на разбросанные по столу цветные фотографии. Масса молодых тел. Он подумал о той девчонке, которая у него была вчера, беглянка, которую он уговорил удрать от монахинь в приюте для беспризорных детей Тринити-Хаус. «Будешь сниматься в кино, – сказал он ей. – Обещаю». Это чего-то да стоило. Он усмехнулся про себя, губы разъехали, ухмылка прорезала глубокие ямки на обеих щеках, а он сгреб фотографии в ящик, задвинул его и посмотрел в окно на Бей-стрит, где виднелись шпиль башни «Си-Эн» и сводчатая крыша стадиона «Небесный купол».

– Чертовы канадцы, – проворчал он. – Воруют наш бейсбол.

Торонто по сравнению с Нью-Йорком был просто детским садом. Здесь было больше свободного места, меньше подозрений, больше возможностей, правительство поговорчивей, с широко распахнутыми для американских предпринимателей дверьми и канадцы, мнившие себя такими непорочными, а свою родину не подверженной коррупции. Прямо анекдот! Кучка долбанных слабаков.

Ньюлэнд нажал кнопку на телефоне и снял трубку.

– Подгони машину к входу.

– Есть, – односложно ответил голос из трубки.

Ньюлэнд подумал о маленькой Дженни, будущей кинозвезде. Такую нетрудно будет уложить перед камерой. У нее склонность к приключениям, постоянная готовность лезть в драку, а таких можно заставить делать все, что угодно. Он обаяет ее вниманием, заморочит голову трюками. Подберется близко, играя в милого папулю, которого у нее никогда не было, а если это не работает, тогда он просто возьмет ее на слабо, и она через секунду будет стоять голая. Пригласит на романтический ужин, где-нибудь, скажем, в Йорквиле. Это всегда производит впечатление на девушек. Плюс еще красивое платье и макияж. Девчонки теперь вечно глазят в телевизор на эти передачи про переодевание и перемену имиджа. Там всех переделывают, как будто они недостаточно хороши такие, как есть. Телевидение избавило его от уймы работы.

Дженни так умоляла: «Не надо, папа, не надо», пока он ее обрабатывал, что это его дико возбуждало, да и на видео, которое он планировал снять, будет смотреться отлично. Он поблагодарил святош за инцест и насилие. За всевозможные пытки, которые гнали девчонок из всех канадских захолустий в Торонто. Иначе, подумал он, откуда бы взялись жертвы? Никто бы не стал разнюхивать о его фильмах. Никому не пришло бы в голову так отчаянно ему доверяться. Никто не подарил бы ему такого непереносимого восторга.

3. Нью-Йорк

Презентация рекламной кампании для «Адачи» прошла как по маслу. Алексис аплодировали стоя, начиная с президента Ки Адачи, и это ее даже напугало. В последние дни, работая над проектом, она почти не спала, и, когда вдруг мужчины повставали с мест, она вздрогнула. Ей удалось прекрасно скрыть свое волнение, удержав его внутри, так что никто ничего, кажется, не заметил.

Морти поздравил ее после ухода представителей «Адачи», он улыбнулся ей, широко растягивая закрытый рот, эта улыбка придавала ему вид мальчишки, хотя Морти было уже под сорок и он начинал лысеть. А несколько лишних килограммов выдавали в нем подростка, которого слишком часто обзывали на переменах. Тихий, чувствительный, но нуждающийся в том, чтобы его считали твердым.

Морти сказал Алексис, что в конце недели придет новый клиент и было бы хорошо, если она поприсутствует на встрече, при условии что сумеет выкроить время для дополнительной работы.

– Какие проблемы, – сказала она, чувствуя трепет, пробиравший ее всякий раз, когда она снимала графики со стенда, выключала компьютер и смотрела, как гаснет большой экран для презентаций.

– Новый клиент, – заговорил Морти, глядя вдаль на Центральный парк, маячивший на севере, здание зоопарка из трех секций и дальше. —

Но сначала, – сказал он, снова переводя взгляд на нее, – тебе надо передохнуть. Может, возьмешь завтра выходной?

– Очень любезно, мистер Рикнер, – улыбнулась Алексис, ей бы хотелось надеяться, что он не заметил, как она нервничала во время презентации. – Но с чего это вдруг? Ты что, заигрываешь со мной?

– Очень смешно! – Он отвернулся, взялся за дверную ручку, чтобы выйти из зала презентаций. – Ты просто это заслужила.

Морти знал, как она вымоталась, и Алексис читала сочувствие в его взгляде. Возможно, ей и правда нужно отдохнуть. Она очень много работала. Потом еще эти проблемы с Дэрри, а теперь ей и вовсе стало мерещиться, будто кто-то зовет ее по имени. Давным-давно, еще в Лос-Анджелесе, когда она подростком покуривала анашу, она еще могла усомниться в своей адекватности. Она галлюцинировала, впадала в бредовое состояние. В голове появлялась легкость, когда находил кайф, появлялось чувство дезориентации. Но те дни прошли. Она закончила Калифорнийский университет, переехала в Нью-Йорк, и у нее все получилось, точка. Переживать, казалось бы, не о чем, но почему-то вырвался тяжелый вздох.

– А как же кампания по безопасности движения для Хадсон-Вэлли? – спросила она.

– Меня вполне устраивает то, что ты уже наработала. «Экономишь минуты, теряешь все». Это очень хорошо. Это мы им впарим без проблем. Я сейчас даже сам думаю об этом, когда обгоняю кого-нибудь на шоссе. Если уж на меня подействовало, значит, точно пройдет.

– Морти Рикнер, человек – целевой рынок. – Она широко улыбнулась ему, устало, но искренне.

Морти открыл дверь.

– Вот что я скажу тебе, Алексис, потому что не хочу быть никчемным хамом. Ты отлично работаешь и можешь надеяться на повышение. Я думаю, ты его заслужила. И я надеюсь, что ты считаешь меня справедливым. Если нет, скажи. – Он поднял брови. – Скажешь мне?

– Совестьливый рекламщик, – поддразнила она его, складывая цветные иллюстрации в папку на «молнии».

– Нет, я серьезно.

– Знаю, Морти. Правда. – Она подняла глаза. – Спасибо. Ты справедливый. Поэтому я до сих пор здесь и торчу. Я же ушла от Ван Харта, чтобы работать у тебя, верно? Что, нет?

– Я просто стараюсь делать как лучше. Ничего особенного.

– Я знаю.

Он вышел, и Алексис смотрела ему вслед. Он на нее запал. Можно не сомневаться. Он старался быть милым, даже чересчур милым, непонятно, если он такой симпатяга, то какого черта занимается рекламным бизнесом? Может, он втихомолку приковывает людей цепями у себя в подвале и проводит над ними жутковатые маркетинговые эксперименты. Ей сделалось смешно, до чего же она стала испорченная за последние годы. «Или, может, мне просто надо выспаться, – сказала она про себя. – Просто выспаться, и все пройдет».

В лифте один человек показался ей знакомым. Очень знакомым. Что-то в его лице и в целом в облике пробуждало зловещие мысли. Этакая темная личность, подозрительный тип, что-то в нем было европейское или нет, индейское. Наум пришел Марлон Брандо. «Последнее танго в Париже». Когда-то она обожала этот фильм, главного героя. Она бы прямо съела его. И в том человеке было нечто вроде той же отстраненности, лицо похожего типа, сломанный нос, придававший ему характерность, резкие, беспокойные, красивые черты лица. Ей хотелось, чтобы он на нее посмотрел, но он даже не взглянул, почти демонстративно. Может, голубой, подумала она, когда он вышел из лифта перед ней и затерялся в толпе.

Чуть позже она снова услышала, как кто-то зовет ее по имени. Она обернулась, но никто не попытался привлечь ее внимание. Просто со всех сторон шли люди. Толпа людей, все чужие.

«Крыша уже едет или что?» – буркнула она, настойчиво, стараясь убедить себя, что просто очень нужно выспаться. По спине пробежала мелкая дрожь. Впереди – выходной. Эта мысль ее поразила, пока она спускалась по лестнице на станцию метро между 5-й и 54-й, ей уже стало легче, заботы ушли, она изо всех сил старалась уловить и удержать ощущения беззаботного и легкого настроения.

* * *

Придя домой, Алексис выслушала оставленное на автоответчике сообщение от матери: «Привет, милая, это мама. Я только хотела убедиться, что у тебя все хорошо. Между прочим, сегодня пятое декабря. Позвони мне, ладно? Хочется тебя услышать. Люблю, пока».

Алексис выключила автоответчик и положила портфель у дивана. Она уже давно привыкла первым делом бежать к автоответчику в надежде услышать, что звонил Дэрри. Но от него не было ни слова. Ни единого слова. Вот гад. Правда, она точно знала, что он позвонит. Позвонит, как только ему понадобятся деньги. Сто процентов.

Алексис сбросила сапоги и отшвырнула их к двери. Один шлепнулся на резиновый коврик, другой не дотянул. Она заметила, что занесла на ковер несколько комков грязного снега, и наклонилась, чтобы их подобрать. Они таяли у нее в руке, и она стряхнула их на коврик. Потом, поставив на место свой непутевый сапог, вернулась в гостиную.

Пятое декабря. Ее мать по-прежнему не могла выговорить, что это за день. День, когда умер отец Алексис. Пять лет назад. Она чувствовала себя вялой и пустой, упав на диван и представляя себе вечера в юности, когда они жили в Лос-Анджелесе и она по вечерам ходила на студию «Уорнер Бразерз» и проводила какое-то время с отцом в его монтажной. Он работал на своей старой «Мовиоле»⁴, рассказывал ей, как привык к этому чувству, когда можно было опереться на аппарат, становясь скорее частью процесса, и никак не мог притерпеться к новым горизонтальным «Стейнбекам», которыми пользовались молодые монтажеры.

---

⁴ «Мовиола» – киномонтажный аппарат.

Алексис научилась у него ощущению времени, ритма, немедленности, глядя, как он режет эпизоды, выбирает лучший кадр, лучший ракурс, упорно добивается движения и плавного хода, которые либо едва заметно на что-то намекали, либо сшибали с ног, которые придавали фильму его значение.

Отец делал перерыв, плескал рома себе в стакан с кроликом Багзом, бросал в него лед из маленького холодильника, а ей давал колу. И они болтали, а он сидел в старом потертом кресле, задвинутом в угол монтажной, на его лице здоровяка явно обозначивались признаки закоренелого пропойцы старой закалки. Он рассказывал ей истории о гаснущих звездах старого кино. О Ричарде Бартоне, Питере О'Туле (отцу доводилось выпивать с ними обоими), Аве Гарднер и Ингрид Бергман – его любимой актрисе на все времена.

– Единственная настоящая роковая женщина, которую я встречал, – сказал он ей. – Конечно, кроме твоей мамы.

– Ну естественно, – улыбнулась Алексис, унаследовавшая от него чувство юмора.

– И еще тебя. – Он показал на нее указательным пальцем, не выпуская из руки стакан. – Ты самая страшная оболъстительница, потому что это я тебя сделал. И потому что ты моя дочка.

Он подмигнул и легко ей улыбнулся, так же, как часто улыбалась и она; глядя в зеркало, Алексис понимала, что неразрывно связана этой улыбкой с отцом.

– Папа, – прошептала она.

Зазвонил телефон, прогнав нежные воспоминания. На ее губах застыла печальная улыбка, голова, запрокинутая на диван, весит будто целую тонну. Она села прямо и схватила трубку:

– Аллю?

– Алексис?

– Дэрри?

– Алексис, лапуля. Милая. Пампушечка.

– Дэрри, – сказала она, сдерживая вымученный смешок, – что тебе нужно?

Не надо было этого говорить.

– Что мне нужно? Вот так вот? И это все, что ты можешь сказать после того, как мы столько не виделись? Ну и отлично, блин! Премного благодарен.

Алексис сидела с трубкой в руке. «Молодчина, Алекс, – ругала она себя. – Отлично сказано».

Сначала она подумала, что стук в дверь – это всего лишь соседские забавы, шум обычно доносился из дальнего конца спальни. Иногда стена там почти сотрясалась от их агрессивного секса, как ей представлялось. Она заворочалась в кровати, вдруг совершенно проснулась и чертыхнулась, зная, что больше уже не заснет. Звук раздался снова, и она поняла, что стучатся в дверь. Она выпрыгнула из постели, думая: «Это Дэрри».

Ступая босыми ногами по ворсистому кремовому ковру, еле двигая ногами спросонья, она подошла к двери спальни и привалилась к косяку, потом заторопилась к входной двери, не желая, чтобы его стук потревожил соседей. «Ха! – подумала она. – Таких соседей потревожишь!»

На полпути к двери она поняла, что совершенно голая, и вернулась за халатом, сунула руки в рукава, запахнулась и завязала пояс на талии. Когда она отодвинула крышечку, прикрывавшую дверной глазок, то увидела, что снаружи никого нет. Выходит, все-таки соседи. «Это был стук или удары?» – подумала она, не в состоянии определить природу звуков.

Отмахнувшись от сонных мыслей на эту тему, она пошла в спальню, но замерла как вкопанная, явственно расслышав, как ключ открывает замок ее квартиры. Ее мышцы одеревенели.

Она не могла двинуться с места, сердце колотилось, она напрягала слух, и, кажется, только он из всех ее чувств работал на полную мощь.

Она стояла, умирая от страха, ее мозг был насторожен и восприимчив в ожидании. Ей пришлось отключиться от звуков, которые лишали ее способности двигаться. Наконец она смогла повернуться и бросилась к телефону, не спуская глаз с двери и пытаясь унять от дрожи руку, пока набирала цифры 911. Нажав двойку вместо последней единицы, она резко шлепнула по кнопке сброса и снова стала набирать номер, нервы сводили на нет ее волевые усилия. Потом в трубке раздались громкие гудки, и они загудели еще громче, когда ее глаза от ужаса расширились, в квартиру кто-то вошел.

4. Торонто

– Что нового у тебя? – спросил Стэн Ньюлэнд, накалывая на вилку лист салата с изюминой и семечком подсолнуха.

Внимательный официант наполнил их стаканы водой, любезно улыбнулся и удалился с поклоном.

– У меня ничего нет, – коротко заявил Грэм Оллок и вдохнул аромат сладкого белого вина из Германии, прежде чем поднести бокал к губам и сделать глоток. – Ничего. Но у моих людей нет таких возможностей, как у твоих. У тебя больше деловых знакомств. Я-то просто занимаюсь ввозом-вывозом.

Оллок саркастически усмехнулся и осушил бокал.

– Видел новую девицу? – спросил Ньюлэнд, отрезал кусочек мяса по-татарски толщиной с бумажный листок.

– Еще бы.

В красивых льдисто-голубых глазах Оллока мелькнул восторг.

– Прошла кинопробы? – засмеялся Ньюлэнд, вытирая губы сиреневой матерчатой салфеткой.

– О, не сомневайся. Эта далеко пойдет.

– Недалеко. Далеко ей идти некуда.

Оллок понимающе вскинул брови, потом молча подождал, пока официант дольет вина в его бокал.

– Я думаю попридержать ее, прежде чем она выйдет в тираж.

Оллок пожал плечами и поднял руку, в которой была вилка с наколотым куском нежной телятины. Забросил телятину в рот и замер, думая о чем-то, прежде чем прожевать; его губы растянулись в зловещей улыбке.

– А как с монашками? Неприятностей не будет? – спросил Ньюлэнд. – Они там предупреждают девчонок или нет? До меня доходит разное.

– Точно не знаю. Они же не в курсе, куда пропадают девочки. А они все время пропадают. Это же бродяжки. Глазом моргнешь, их уж и след простыл.

– Перечисли им побольше денег. Пусть приют не закрывается. Он как естественный магнит, девочки слетаются к нему, как мухи.

Оллок кивнул и вытер рот.

– А эта новенькая, Дженни?

– В твоём распоряжении.

– Плакса?

– Ага, плакса.

Они вместе посмеялись, потом замолчали, потому что к их столику официант подкатил тележку с десертами. Но в их глазах продолжал бесноваться сиплый смех, сотрясавший их внутри. Они молча рассматривали кремовые пирожные и сочные пудинги под всевозможными соусами и наконец сделали выбор.

* * *

Сержант уголовной полиции Майкл Кроу сидел в машине, припаркованной у пиццерии на углу Уэлсли и Янг-стрит⁵, и наблюдал, как Дженни Киф болтает с подружками. Отдел нра-

---

⁵ Я н г - с т р и т – главная улица Торонто, национальная достопримечательность Канады, некоторое время назад числившаяся в Книге рекордов Гиннеса как самая длинная улица в мире.

вов городской полиции Торонто следил за ней с тех пор, как она попала в Тринити-Хаус. Они знали ее жизнь: несколько побегов из Галифакса, откуда она попутками добиралась до Торонто. Это была наглая и дерзкая девчонка, бравировавшая своими выходками, но полиция Галифакса сообщила, что с трехлетнего возраста она подвергалась жестокому обращению со стороны развратного папаша, против которого до сего дня не было выдвинуто ни одного обвинения. Дженни не желала давать показания против него. Она ненавидела законников. И сержант уголовной полиции Кроу не винил ее. Закон должен был ее защитить, но не смог. Он позволил отцу Дженни сделать то, что он с ней сделал, и никто ничего не предпринял. Кроу понимал, что у Дженни есть все причины ненавидеть закон.

Дженни сидела в пиццерии неподалеку от окна и, активно жестикулируя, объясняла что-то девушке постарше с белыми торчащими волосами. Блондинка сидела в кожаной куртке, черная подводка вокруг глаз делала взгляд агрессивным. У Дженни были длинные каштановые волосы с вытравленными светлыми прядями. Черная обтягивающая футболка, джинсовая куртка и штаны ей очень шли. Когда она взмахивала руками, явно подчеркивая какой-то важный момент, Кроу жалел, что на ней нет микрофона или что в пиццерии нет жучков, но установить их было невозможно.

Он решил, что единственный способ обеспечить успех расследования и гарантировать ее безопасность – это посвятить Дженни в происходящее. Придется рассказать ей о Стэне Ньюлэнде и его подпольном предприятии. Антикварный бизнес на Авеню-роуд был всего лишь прикрытием для тайной переправки видеофильмов через таможеню. Таможенники уже обнаружили несколько кассет в двойном дне викторианского туалетного столика XVIII века и уведомили полицию Торонто. Кроу скопировал фильмы и положил их на место, записав, от какой компании поступил груз – «Сара Свон импортинг», Торонто, – и куда он направлялся – на имя С. Винсер в «Л.М. Шейер энтерпрайзиз», Нью-Йорк. Большинство компаний, которыми руководил Ньюлэнд из своего офиса на Бей-стрит, на самом деле являлись не более чем прикрытием для его незаконной деятельности.

Кроу смотрел, как Дженни выходит из пиццерии, жуя кусок пиццы с колбасой. Он заглушил мотор и вышел из машины. Высокому, крепко сложенному, мускулистому сержанту Кроу легко было поспевать за Дженни, которая тем временем направилась на север. Южнее Блур-стрит она задержалась, чтобы поглазеть на витрину с дорогими модными вещами из кожи, в основном черной и красной.

Кроу остановился рядом с ней.

– Красивая юбка, – сказал он, мотнув головой в сторону витрины.

Дженни подняла на нее глаза, подозрительно прищурившись. Она откусила последний кусочек пиццы и выбросила корку.

– Кожа отлично смотрится. Тебе нравится кожа, да?

Дженни глядела на него и жевала.

– Иди в баню, – буркнула она, вытирая руки о джинсы.

– Не могу. Мылся недавно.

– Чего надо?

Она сунула руки в задние карманы, выражение ее лица не изменилось.

– Поболтать.

– О чем это?

– Об одном человеке.

– Да? А я никого не знаю.

– Ты многих знаешь.

– Ты полицейский, что ли, да?

Кроу посмотрел на улицу.

– Сразу видно. – Она повернулась и хладнокровно пошла прочь. – Все вы на одно лицо.

– Эй! – позвал он ее.

Она оглянулась, вернулась назад и показала ему средний палец.

– Грубовато.

– Да пошел ты, козел.

Она махнула рукой и пошла прочь, повернувшись к нему спиной.

Он пошел за ней, чуть улыбаясь, Кроу давно привык к неласковому обращению. Оно его уже не расстраивало. Его обругают? Это ерунда по сравнению с тем, против чего он борется. Если бы только она знала, что происходит, что он видел собственными глазами. Ее грубость была ему до лампочки.

– Эй, Дженни! – позвал он.

Она остановилась и обернулась, подождала, пока он ее догонит.

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Такая у меня работа – знать имена всех людей, которые скоро умрут. Я узнаю их раньше, чем газеты. Я твой ангел-хранитель.

– Очень смешно.

– Понравилось? – Он улыбнулся, и она тоже чуть-чуть улыбнулась, прежде чем спохватилась. Кроу воодушевилось то, что ему удалось наладить с ней контакт.

– Ну, раз ты мой ангел-хранитель, расскажи мне про Бога.

– Ладно, ему лет шестьдесят, он носит хорошие костюмы, обедает в лучших ресторанах города. Состоятельный бизнесмен. Ездит на бордовом «ягуаре».

– Мой спаситель? – сказала она, подхватывая его намек.

– Стэн Ньюлэнд часто играет в Господа Бога. Его называют Неоном, потому что он любит устраивать разноцветный беспорядок. Хочешь о нем поговорить?

– Не хочу я о нем говорить, пошел ты.

Кроу глубоко вдохнул.

– Я совсем не хочу тебя заставлять. Правда.

Дженни стиснула зубы и глянула искоса на него, думая, серьезно ли он говорит или опять подшучивает. Раскусить его было трудно – симпатичный, но лицо вполне суровое, он не такой, как эти смазливые накачаные парни. Кажется, у него и в чердаке кое-чего есть.

– Это ради твоей же пользы. Поверь.

– Ну да, кто бы сомневался. – Она разозлилась и отодвинулась от его протянутой руки. – Я сама умею ходить.

– Вот это да! – сказал Кроу. – Просто удивительно. – Он уставился на ее ноги. – Ноги, которые ходят.

– Ну ты и придурок.

– А мне за это платят. Я же полицейский. Ничего не поделаешь. Издержки профессии.

Дженни искоса взглянула на него, изо всех сил стараясь не улыбнуться.

5. Нью-Йорк

– Откуда у тебя ключ от моей квартиры? – резко спросила Алексис, сложив руки на груди и кипя от злости, а Дэрри стоял напротив и нагло смотрел на ее голые ноги.

– Да ладно, успокойся. Сделал дубликат.

Улыбка Дэрри Кэмбелла сказала все. Его явно забавлял гнев Алексис. Глядя ей в глаза, он обошел вокруг, подкинул связку ключей в воздух, подхватил, потом сунул в карман джинсов, плюхнулся на диван и положил ноги в ковбойских сапогах на столик.

Алексис тут же спихнула их вниз.

– Убери-ка сапожищи.

Голос у нее дрожал, и она еще крепче сцепила руки на груди, зная, зачем он пришел, зная слишком хорошо.

– Зря ты себе что-то воображаешь. Меня это не интересует.

Она яростно откинула прядь волос, упавшую на щеку.

Дэрри закрыл глаза, на его небритом лице светилась улыбка, к непослушным черным волосам давно не прикасался парикмахер. Он был одет в серую куртку-бомбер с воротником из искусственного белого меха. Дешевка, подумала Алексис. Куда он вообще деваает свои деньги?

– Что тебе нужно, Дэрри? Я знаю, ты пришел...

– Ничего, – сказал он, широко раскрывая глаза, – только увидеть твое милое личико, моя красавица.

– Хватит?

– Нет, правда. – Он сел выпрямившись, его тон стал серьезным, романтичным, и Алексис знала, что будет потом. – Я соскучился, милая. Почувствовал, что не могу больше без тебя.

– Немедленно убирайся отсюда и отдай мне ключ.

Она протянула руку, и халат слегка распахнулся. Взгляд Дэрри молниеносно выхватил то, что ему было надо.

– Я тебя предупреждаю. Все изменилось.

Она поспешно запахнула халат.

– Ничего не изменилось. Ты только делаешь вид. Ты идешь против собственных чувств. – Он встал с дивана и подошел ближе, оценивая свои силы. – Мы с тобой все те же.

– Я уже не та девчонка, которую ты знал в Лос-Анджелесе. Хватит с меня твоих выходок. Так что выметайся. – Она придержала полы халата одной рукой, а другой указала на дверь. – Убিরайся, или я позвоню в полицию. Я серьезно.

Дэрри шагнул ближе, испытывая ее реакцию, глядя, как напрягается ее лицо.

– Только один поцелуй. – Он блеснул надменной, понимающей улыбкой, и плавные движения его тела напомнили ту чувственность, на которую он был способен.

– Нет.

– Давай, Алексис.

Его лицо было всего в нескольких сантиметрах, но он к ней не прикасался. Если бы он прикоснулся, она тут же отреагировала бы либо пощечиной, либо кинулась бы ему на шею. Не будучи уверенным в том, как все-таки обернется дело, он не собирался рисковать.

– Нет. – Это «нет» вышло слабее, чем она хотела. Ей пришлось снова и снова спрашивать себя: «Неужели он мне действительно нужен?»

Дэрри пожал плечами и сжал губы, нахмурясь. Он сунул руку в карман, вынул связку ключей и снял один из них с кольца.

– Вот, – сказал он, бросая ключ на кофейный столик.

Когда Алексис наклонилась взять его, ему стала видна ее грудь.

– Ах, какой вид. – Он вызывающе усмехнулся и сквозь зубы страстно, оценивающе про-
стонал. – Можно я тебе кое-что скажу?

Алексис выпрямилась со строгим выражением лица и отвела глаза.

– У тебя самое красивое тело, которое мне доводилось видеть. – Он искренне кивнул и
не спеша направился к двери. – Да, можешь мне поверить, я не вру. Ты чертовски хороша.

Алексис почувствовала, что ее позиции уже не так сильны, она вспомнила, как они зани-
мались любовью, но она должна быть сильной. Она не может позволить ему одержать такую
легкую победу. Если она не устоит перед ним, это никогда не кончится. Но если она устоит и
выпроводит его, возможно, она больше никогда в жизни его не увидит. Какой смысл притво-
ряться? Зачем играть в игры? Она отчаянно хотела его, но не такого, какой он был сейчас. Эти
смешанные чувства раздирали ее в разные стороны, в голове у нее поплыло. Она любит Дэрри.
Нет, она любит в нем некоторые качества, но не его целиком. Вот в чем проблема. Он мог быть
таким нежным и заботливым, но потом вдруг превращался в подонка, в пиявку.

– Ты хочешь, чтобы я ушел?

Алексис кивнула и тут же пожалела об этом, она почему-то в последнее время жалела о
многом из того, что делала. Она ненавидела одиночество. Презирала его. Неужели это та цена,
которую она должна платить за то, чтобы быть с кем-то?

Любовь на его условиях? Любовь? А тут еще Рождество на носу. Рождество. Предполага-
ется, что это праздник тепла среди холодной зимы. На миг Алексис почувствовала ностальги-
ческий укол при воспоминании о рождественских праздниках в своем лос-анджелесском дет-
стве. Тогда у нее было много друзей, они устраивали вечеринки и дарили друг другу подарки.
Много лет, много разных молодых людей. Вся эта память вернулась к ней. Это ощущение
общего праздника. Семья. Мама и папа. Папа умер. Теперь у нее осталась только работа. На
друзей нет времени. Каждый раз, когда подходило Рождество, ее нью-йоркская уверенность
начинала пошатываться и на Алексис находила ностальгия по тем лос-анджелесским временам.

– Тогда я ухожу. – Дэрри открыл дверь, потом засомневался. – Я уже ушел.

Он оглянулся на нее, и она дрогнула... от его красивого лица с лукавым выражением, от
его страсти, которая явно читалась в его лице, и легкой мальчишеской улыбки уголками губ.

– Ну, пока. – Он шагнул за дверь.

– Нет, постой! – позвала Алексис, шагая вперед, но тут же сдержалась, ненавидя себя.

Еще одна ошибка. Но какой от нее вред? Только одна ночь вдвоем. Ей это нужно. Она
это заслужила. Ведь она не уступит ему, а одержит свою маленькую победу. Она здесь главная.
Она заставит его сделать то, что она хочет. А завтра она скажет, что больше не хочет его видеть.

Дэрри развернулся и снова вошел в квартиру, захлопнул дверь и быстро приблизился
к Алексис, поцеловал ее страстно, прижимаясь к ее телу, его руки скользнули под халат, он
ласкал ее, и прикосновения были одновременно теплыми, уверенными и чувственными, его
пальцы скользили по ее груди, потом ниже, между ног, и она встала так, чтобы дать ему воз-
можность сделать ей приятно.

Подхватив Алексис на руки, он понес ее в спальню, целуя на ходу ее грудь, но в то же
время Дэрри успел бросить взгляд в гостиную, в сторону окна, за которым открывался рос-
кошный вид на ночной Нью-Йорк с мерцающими зданиями, заметить ее сумочку на полу и
точно запомнить, где она лежит.

Морти Рикнер был человеком с прошлым, и оно его беспокоило. Жена Морти, писатель-
ница-романистка Джун Хокинс, вышла за него в возрасте девятнадцати лет. Она всегда была
серьезной, начиная с самого детства. Ее заботило плачевное состояние мира и снесало тайное
желание написать великий современный роман, но вместо этого она вымучивала затянутые

любовные романы для канадского издательства «Арлекин»⁶. Будучи ребенком, Джун постоянно задавалась вопросом о том, как спасти землю от ужасов промышленности, от загрязнения и неизбежного окончательного уничтожения вследствие ядерной войны. И это детское качество сопровождало ее и во взрослой жизни. Джун участвовала в акциях протеста и маршах и постоянно писала письма политикам, требуя изменить курс, который она считала явно вредным.

Джун не одобряла деловых занятий Морти, его жизни в обмане. Она презирала рекламу и даже переключала каналы во время рекламных пауз, даже если это были ролики, выпущенные компанией Морти. Но Морти любил ее всем сердцем, его покорили ее сострадание и способность всерьез очаровываться даже самыми простыми вещами.

После краха коммунистических режимов в Европе она загорелась энтузиазмом, которого он никогда еще не видел, но вскоре снова впала в депрессию, когда в Восточной Европе начались этнические войны и гражданские беспорядки.

Ее убили обещания. Так считал Морти. Неисполненные обещания. Все эти неисполненные обещания. Ее многочисленные надежды на перемены, которые так и не сбылись. В каком-то смысле Морти и себя винил в ее смерти, либо из-за того, что провоцировал ее неуравновешенность постоянными спорами в защиту своей профессии, либо потому, что его просто изначально привлекал такой тип женщин.

Почему она привлекала его? В решении этого вопроса он положился на помощь доктора Ларсона, своего психиатра, но через два года сеансов и потраченных на них десятков тысяч долларов он так и не приблизился к ответу на это вечно ускользающее почему. Единственное, что он действительно понимал в своем состоянии, это то, что в нем все больше росло безразличие к профессии, будто только через отстранение от бизнеса он мог должным образом ее оплакать, почтить ее смерть. Ему приходилось постоянно бороться с этим чувством, глубоко копать внутри себя, чтобы достать энтузиазм, которого требовала от него работа.

Его память постоянно проигрывала ту сцену, когда он поздно возвратился домой из офиса, зашел в ванную и нашел там Джун, ее нагое тело в ванне, и только идеальный овал ее лица белел над темно-красной водой.

Морти сидел в баре «Расти» напротив портового автобусного терминала на 8-й авеню, потягивал вишневый ликер и думал об Алексис. Он прогулялся к терминалу посмотреть, как приезжают в город люди, увидеть их лица, восторженные или утомленные. Его отчего-то успокаивало то, что город постоянно пополняется новыми лицами, тем самым повышая его шансы встретить новую женщину. Он покачал головой, осознавая это. Есть ли еще в городе такой же одинокий и жалкий человек, как он?

Мысли снова привели его к Алексис. Было в ней что-то напоминавшее ему о Джун. Ему бы хотелось сейчас увидеть ее. При этом он же сам дал ей выходной, поэтому мог предположить, что она решит отоспаться дома. Может, нагрянуть к ней в гости? Интересно, как она отреагирует?

Повернувшись на барном табурете, он оглядел хорошо одетых посетителей: пары и одиночки. Все они выглядели так, будто только что сошли со страниц «Вога» или «Джи-Кью». У него возникло ощущение, что одним своим видом они пытаются поставить его на место. У всех пышные шевелюры и идеальные черты лица, а он тридцатисемилетний лысеющий очкарик. Ну ничего, не так уж он и плох, заверил он себя.

Допив, он опустил руку на стойку и крикнул бармену, чтобы тот долил ему стакан. Еще пара глотков, и он соберется с духом, чтобы поехать домой к Алексис и увидеть, как она уходит на встречу с кем-то. Он уже часто это делал. Морти следил за ней, знал ее любимые магазины,

---

⁶ «А р л е к и н» – издательство, специализирующееся на дамских романах.

знал китайский продуктовый магазин, где она каждый второй день покупает красный грейпфрут, кофейню «Желудь» на углу 50-й и Мэдисон-авеню, где она пьет эспрессо без кофеина.

Морти был экипирован коричневым париком и усами, которые наклеил перед тем, как отправиться к ее дому. Еще в эти поездки ему нравилось надевать контактные линзы. Морти как-то прошел в пяти метрах от Алексис, и она его не узнала. Он с восторгом увидел естественное выражение на ее незаинтересованном лице.

Однажды в «Желуде» он сел у стойки и ждал, пока она выйдет из закутка, где сидела, потом проскользнул туда, сел на ее место, взял салфетку, которой она вытерла губы, и прикоснулся пальцами к следу розовой помады. Он поднял салфетку к лицу, делая вид, что вытирает рот, но, чуть прижав ее к губам, закрыл глаза и вдыхал ее запах, слабый аромат ее духов.

– Вы готовы сделать заказ? – вдруг спросил кто-то, Морти испуганно открыл глаза и увидел официантку, стоявшую около него и глядевшую на растерянное выражение его лица.

Когда Алексис находилась в его кабинете, он изо всех сил старался сдержаться и не встать из-за стола, чтобы дотронуться до ее волос, провести пальцами сквозь их блестящие волны. Если бы только он мог прижаться губами к ее губам. Он подумал о картонной коробке с камуфляжем на заднем сиденье машины. В нем Морти выглядел на десять лет моложе. Не это ли нужно Алексис: может быть, она больше бы заинтересовалась им, если бы он носил парик постоянно? Возможно, он наденет парик, контактные линзы и заглянет к ней в гости. Она будет шокирована? Довольна его новым имиджем? Посмеется над ним?

Он едва заметно покачал головой, осуждая себя, и нахмурился, уставясь в барную стойку. Морти чувствовал, что теперь уже он не на своем месте. С тех пор как умерла Джун, ему все время было не по себе. Он мечтал о том, чтобы объяснить все это Алексис, излить перед ней душу, ему казалось, что она его поймет. Морти взял ее на работу через три недели после похорон жены. Он подыскивал контактора, но в глубине души знал, что ему нужен компаньон, замена.

Когда он проводил собеседование с женщинами, их квалификация стояла для него на втором месте. На самом деле он искал в них черты и качества Джун. И вдруг перед ним села Алексис, такая похожая на Джун, умная, но без ее мрачности, красивая, но еще не раненая и не испытывающая стыд от своей красоты, чувствительная, но не забитая горестями. Ее появление было словно подарок, новый центр притяжения, который мог отвлечь его от мрачных, угнетающих мыслей.

Слушая, как она говорит, он скопил глаза на ее резюме и посмотрел на ее адрес и отметил яркие детали предыдущей деятельности. После этого ему понадобилось каких-то несколько минут, чтобы принять решение впустить ее в свою жизнь, взять на работу, убедить себя в том, что когда-нибудь она станет его женой.

6. Торонто

– Спасибо, мне только чаю, – улыбнулся сержант Кроу официантке, возвращая ей меню. Официантка кивнула и сунула меню под мышку, дожидаясь, пока решит девушка. Кроу посмотрел на Дженни, сидевшую напротив. Она все еще рассматривала меню, водила пальцем по перечням блюд и, прищурясь, подносила страницу ближе к глазам.

– У них есть чизбургеры? – спросила она.

– Да, – сказала официантка.

Дженни подняла глаза.

– У нас есть чизбургеры, – кивнула официантка и улыбнулась. – Большие.

– Отлично.

– Что будете пить?

– Мускатную шипучку.

Официантка записала в блокноте и протянула руку, глядя прямо в лицо Дженни.

– Что? – испуганно отпрянула девушка.

Кроу взял у нее меню и передал официантке.

Увидев это, Дженни засмеялась и пожала плечами.

– Я не поняла, что ей от меня надо.

– А у тебя хороший аппетит, – сказал ей сержант.

– Я впрок наедаюсь. Набиваю кладовку.

– По-моему, ничего у тебя в кладовой не набито. – Кроу улыбнулся ей, зная, что подобная болтовня раскрепостит ее. – Все в самый раз.

Дженни улыбнулась и постучала пальцами по столешнице. Кроу дал бы ей лет шестнадцать– семнадцать. Это была симпатичная девушка, но с одутловатым лицом, какое, как он знал, бывает, если слишком много пить и неправильно питаться.

– Есть покурить? – спросила она.

– Не курю.

– Какой правильный. – Она подняла руку и показала ему бицепс, нервно посмеявшись.

– Ты давно в Торонто? – Кроу глянул на дверь греческого ресторанчика, заметив нескольких типов с претензией на артистичность, забредших с Блур-стрит.

– Может, и давно.

– Может?

Он посмотрел на нее.

– Ага, может. – Она вызывающе улыбнулась и продолжила стучать по столу.

– Что ж, – тихо сказал Кроу, наклоняясь через стол, – если будешь и дальше околачиваться вокруг мистера Ньюленда, надолго ты тут не удержишься, и конец будет очень болезненный.

Он выпрямился, глядя в лицо Дженни, видя, что его слова никак на нее не подействовали.

Она нахмурилась, вздохнула и отвернулась.

– Ага, точно, – ухмыльнулась девушка.

– Поверь мне, дорогуша, валяться тебе в канаве.

Он не мог не думать, что его слова, когда он делает подобные заявления, звучат как бандитская угроза. Он давно уже крутится вокруг них и знает, как реагируют люди на откровенный тон и неприкрашенную прямоту описаний. Чем они ужаснее, тем больше подкупают.

Официантка вернулась и поставила перед ним чашку чая. Щедро подливая туда молока, Кроу сказал:

– Расскажи мне про Стэна Ньюленда.

Дженни пододвинула к нему сахарницу, перегнулась через стол и насмешливым тоном шепнула:

– Нет уж.

– Я не ем сахар, детка. – Он улыбнулся и подмигнул ей, как бы посвящая в секрет. – У меня диабет.

– Ой, а у меня была одна знакомая девчонка с диабетом. У нее был какой-то приступ или что-то в этом роде. Я там, у нас, в приюте, видела, как ее рвало кровью.

– Спасибо. – Кроу прижал ложкой чайный пакетик к толстой стенке белой чашки, достал его и положил на блюдце, стукнув ложкой. – Ты меня обнадежила.

– Тебе уколы приходится делать?

– Инсулин.

– Как нарик.

– Точно. – Кроу улыбнулся, продолжая игру. – А что, действительно? Такой же нарик, как все остальные.

– Прикольно. У тебя и змейка есть?

– Может быть. – Он знал, что она говорит о неровной дорожке следов от уколов на коже, которую некоторые наркоманы называли змейкой.

Когда перед Дженни поставили чизбургер, она посмотрела на тарелку и презрительно усмехнулась:

– Я не заказывала украшения.

Официантка опустила глаза на овальную тарелку: бургер, жареная картошка по-домашнему и ком густого капустного салата.

– Не волнуйся, – сказал Кроу, – ешь.

Он кивнул официантке, мол, все в порядке, и та коротко ему улыбнулась, потом пошла прочь, ее греческое лицо застыло, как камень.

После того как Дженни откусила первый кусок, Кроу наклонился вперед и сказал:

– Стэну Ньюлэнду нравится пытаться девушек, медленно убивать их перед камерой. Он отрежет все твои штучки и продаст копии фильма извращенцам, которые ему заплатят.

Дженни перестала жевать.

– Прекрасный конец для такой паршивой жизни, – заключил Кроу.

– Ага, – промямлила Дженни, пытаясь взять себя в руки, хотя слезы застили ей глаза. Она положила чизбургер и выплюнула на тарелку непрожеванный кусок. – Ну ты и скотина, – сказала она, выбежала из кабинки и метнулась к двери.

Кроу сделал знак официантке, которая знала его как завсегдатая, знала, что он из полиции. Одним быстрым жестом он велел ей приписать стоимость заказа к его счету, потом бросился к выходу. Зимний воздух студил его лицо. Он позвал Дженни, которая быстро удалялась на запад по Блур-стрит к сверкающим огням «Честного Эда», шла торопливо, изредка спотыкаясь, то поднимала руки к лицу, то опять опускала. Вытирает слезы, подумал Кроу, испытывая отвращение к самому себе за то, что ему приходится быть таким грубым. Но он знал цену этому предостережению, которому она должна внять, предупреждению, которое она вспомнит, когда знаки скажут ей, что он был прав, когда Стэн Ньюлэнд заикнется о том, чтобы подключить видеоканнеру к их невинным играм. Предупреждению, которое может дать ей время для побега, прежде чем появится нож.

Новую видеокассету отправили с курьером на склад на Эшбриджес-Бей неподалеку от бульвара Лейкшор. Служащий в приемной расписался в получении и отправил ее в офис Грэма Олкока.

Сломав печать на пакете, Грэм достал кассету и вставил ее в видеоманитофон, включил телевизор и стал ждать, когда кончатся помехи и покажется картинка.

Началось с обычной сцены секса. Двое мужчин и женщина. Когда Грэм увидел лицо женщины, ему стало противно до невозможности. Это была женщина средних лет, потрепанная, совершенно не возбуждающая. Какая-то загнанная, совершенно незаинтересованная, возможно, ей заплатили за порносцену. Может, проститутка. Такая запись многого не стоит. Чем старше мясо, тем дешевле кино.

Когда пришло время ее связывать, она подчинилась без борьбы. Последовавшая пытка даже не заставила ее как следует завопить. Она только все время дергалась. Полный провал. Люди хотят молоденьких девушек, энергичных, которые громко вопят, дрожат и умоляют, когда появляются бейсбольные биты, трясутся, уже не в силах рыдать, когда от ударов вздрагивают их белые тела, которые бьют и испражняются, когда их вспарывают, а не каких-то затасканных, обколотых потаскух, которым уже наплевать, живы они или мертвы. Это не зрелище. Это банальность.

Грэм выключил видеомэгнитофон, расстроенный и разочарованный. Он посмотрел в большое окно кабинета вниз, на склад. Контейнеры и ящики приходят и уходят. Старинные вещи и копии, элитная электронная техника. Произведения искусства. Самые высококлассные вещи в мире. Если бы только эти добродетельные снобы из высшего общества знали, что перевозят в их мебели взад-вперед через границу. Компания Грэма покупала и продавала изящные вещи, а еще занималась перевозкой и доставкой антиквариата для тех, кто переезжал из одной страны в другую. Он назвал свою компанию женским именем – «Сара Свон импортинг», – чтобы создать впечатление, будто компанией руководит женщина. Симпатичное имя для золотых девочек из Торонто, которые могли идентифицировать себя с ним. Хотя на самом деле он украл имя у малоизвестной порнозвезды, которую обожал еще подростком.

Он часто испытывал искушение оставить копию записи в бюро или шкафчике одного из больших угловых гарнитуров. Впустить кровавое очарование в элегантную гостиную ничего не подозревающих покупателей. Шокировать и подорвать устои, подвергнуть женщин-зрительниц откровению. Эта мысль его возбуждала. Произвольный сексуальный эксгибиционизм перед миллионами людей. Если бы он мог сделать по-своему, он бы пробрался в студию какой-нибудь крупной телекомпании – Эн-би-си, Си-би-эс, Эй-би-си – и через спутник толкнул бы какой-нибудь фильм во все гостиные Северной Америки.

Его проняла дрожь от мысли об этой диверсии, он представил себе, как бы техники «Стар электронике», одного из предприятий Стэна Ньюлэнда, выполнили свое пиратское задание по захвату спутника. Стэн расхваливал этот проект, считая его превосходным способом прокручивать незаконную рекламу в домах зрителей, а подпольные сети спецгрупп с особыми интересами – Общества насилия против женщин, Христианской церкви арийских наций, ку-клукс-клана – будут платить ему бешеные деньги, чтобы транслировать свои ролики во всех домах. Однако на самом деле у Стэна были другие планы относительно вторжения в тонкие, чувствительные области разума. И Ньюлэнд, и Олкок верили в первобытное, глубокое стремление человека к насилию и сексу. Элитарный кодекс поведения и этикет нужны всего лишь для того, чтобы подавлять ярость. Но ярость никуда не исчезала, как неумолчная энергия пульса, стучавшего в сердце от возбуждения. Нужна только провокация, чтобы поистине стать самим собой.

Поднялась большая автоматическая дверь, и на склад задом въехал грузовик. Вечер был черен, прорезан мягкими вспышками белого света. Медленно падали большие хлопья. Грэм подумал о Рождестве, какое это чудесное время. Его жена по имени Триш в тот самый момент покупала подарки для их дочери Кимберли, как пить дать, шла между полками в отделе игрушек универмага «Итон», наполняя тележку.

От тех чувств, которые нахлынули на Грэма от этого образа, ему захотелось пораньше вернуться домой. Чтобы быть дома, со своей семьей. А кроме того, там у него была его любимая запись, та, которую он смотрел чуть ли не каждую ночь, запертая в нижнем ящике шкафа в

его кабинете. Молоденькая девушка из Монреаля, такая энергичная, страстная, визжавшая на искаженном французском. Такая таинственная. Необычная.

Он вернется домой и пораньше отпустит девчонку, сидевшую с их дочерью, но не сразу, а только после того, как поднимется наверх. Он будет ждать в комнате рядом с ванной и смотреть, как девчонка войдет, уже уложив его дочь в кровать. Она закроет дверь, снимет джинсы и сядет на унитаз, а Грэм начнет «обряд» возбуждения. Потом он будет ждать, пока она закончит и уйдет. Через несколько минут он спустится вниз и посмотрит в ее юное лицо, на миг заглянет в ее глаза, зная, что видел скомканные джинсы и трусы, спущенные на щиколотки, ее молодую кожу, когда она приподнялась, чтобы вытереться. Потом он скажет ей, что ему еще нужно немного поработать в кабинете, и пойдет туда, и будет смотреть пленку, зная, что в соседней комнате девочка, и будет представлять ее вместо девушки из фильма. Эта близость к ней возбудит его, и он будет мастурбировать и шептать слова, подгоняя мужчин, разрывавших девушку.

Закончив эту фантазию, он начисто вытрет живот салфеткой, взяв ее с бокового столика, и выйдет из комнаты с красными щеками. Он отпустит девчонку, которая больше ему не нужна, и потом поднимется, чтобы поцеловать Кимберли на ночь.

Кимберли улыбнется ему во сне, она так любит своего папочку, и ей будет сниться, как он строит ей рожицы и играет с ней.

Все это воображение. Но скоро оно станет реальностью.

Встав из-за своего стола на складе, Грэм достал из видеоманитфона кассету и положил ее в сейф. Завтра он сделает несколько копий, пусть даже они и ничего не стоят. Он пошел к двери и выключил свет, спустился по металлической лестнице в широкий, темный простор среди ящиков и контейнеров, где хранился весь ценный товар, с которым он так бережно обращался и который он доставлял своим клиентам без единой царапинки.

7. Нью-Йорк

Когда Алексис проснулась, она тут же поняла, что ей придется сказать Дэрри. Это будет нелегко, особенно сейчас, когда у нее выходной и она хотела бы провести его как можно приятнее. Но она должна быть с ним твердой. Это необходимо. Поворачиваясь, чтобы в последний раз посмотреть на его спящее лицо, она увидела, что рядом никого нет. Медленно, прислушиваясь к звукам за дверью комнаты, она села в кровати.

Может быть, Дэрри готовит ей завтрак, как это бывало в их первые дни после встречи. Завтрак в постель, яичница, приготовленная именно так, как она любит, посыпанная именно так, как надо, и идеально поджаренный хлеб. Настоящее масло, которое Дэрри вынул из холодильника накануне, чтобы утром оно было мягким. Наплевать на уровень холестерина. Можно себя и побаловать для разнообразия. Порезанные на дольки апельсины, которые так легко отстают от корки.

Дэрри когда-то активно ухаживал за ней. Приносил цветы и подарки – какое-нибудь пикантное белье. Но эти знаки внимания, эти приятные мелочи пропали, будто их и не было.

– Дэрри, – позвала она.

Нет ответа.

Сбросив одеяло, она ощутила прохладу. Прошлой ночью она выключила отопление, когда ей было так жарко, что она вспотела. Теперь ее пробрала дрожь, она взяла с пола хлопковый халат и просунула голову в дверь ванной. Там Дэрри не было. Дэрри не было и в укромной кухоньке. И в гостиной. Он ушел даже не попрощавшись, но что еще противнее, не дав ей шанса сказать, что между ними все кончено. Теперь она будет вынуждена снова с ним встретиться. Она посмотрела на кофейный столик, поискала, нет ли записки. Ничего. Но она заметила кое-что еще – свою сумку на диване, из которой было вытряхнуто содержимое. На ватных ногах она вошла в комнату, сразу же почувствовав себя обманутой, оскорбленной. Она отругала себя и подбежала к дивану проверить бумажник. Деньги исчезли. Она поискала в кармашке свои кредитные карты. Все отделения были пусты.

Она упала на подушку, держа обеими руками свой раскрытый бумажник.

– Вот подонок, – громко сказала она.

«И это мой выходной, – сказала она про себя. – Мой ВЫХОДНОЙ!». Потом, поднявшись, она услышала звук открывающегося или закрывающегося лифта на лестничной площадке и бросилась к двери. Распахнув ее, она увидела мужчину, который придерживал лифт и смотрел в сторону квартиры, где жили ее неумемные соседи. Мужчина посмотрел на нее, и по его грубому лицу пробежало какое-то непонятное выражение. Он не поздоровался, только оглядел ее с ног до головы, разглядывая очертания тела под халатом.

– Винсер, – сказал он, обращаясь к чужой двери.

Незнакомец покачал головой и бросил взгляд на Алексис, как бы предупреждая кого-то. Она закрыла дверь и стала ждать, неровно дыша из-за инстинктивного страха, ее сердце колотилось, выступил пот.

«Что происходит?» – прошептала она, поворачиваясь лицом к двери. Она открыла глазок и увидела, что человек у лифта подождал, потом показал знаком, что все чисто. Показались двое мужчин, оба держали с двух концов большой синий чемодан с латунными замками и металлическими пластинами на углах. Затем вышла шикарно одетая женщина; проводив их, она вернулась в квартиру. Алексис наблюдала, как мужчины молча вошли в лифт, поставили чемодан, но крепко держали его за ручки, как будто он мог убежать, потом дверь закрылась.

Дэниел Ринг по прозвищу Небесный Конь был наполовину ирокезом. Отец его отца был вождем и из последних сил старался спасти свой народ от алкоголизма, поразившего их

резервацию в южном Квебеке. Деду Небесного Коня удалось добиться кое-какого успеха с земельными претензиями и пролоббировать в правительстве специальные образовательные программы для его народа и строительство центров по лечению от алкоголизма. Он хорошо потрудился, но преодолеть пустоту, поселившуюся в душах индейцев, пришедшую с новой действительностью и осознанием того, что у них отняли собственную землю, было не так просто. Но по крайней мере, труды его деда позволили добиться успеха отцу Небесного Коня – пожилому, уважаемому президенту пиар-фирмы, который прошел путь от мальчишки-рассыльного в монреальской «Газете», затем репортера, когда он и познакомился с серьезными, деловыми людьми из Монреаля и его окрестностей, далее он занял место главного бизнес-обозревателя и, наконец, сделал большой шаг во внешний мир – создал собственную пиар-компанию.

Небесный Конь помнил спор между его матерью, упрямой белой женщиной из Мичигана по имени Дон Макки, происходившей из давней династии автозаводских рабочих, и отцом, когда тот заявил, что уходит из «Газеты», чтобы открыть свое собственное дело. Мать категорически возражала, зная цену стабильной работе, угрожала, что уйдет от него, как в конце концов и поступила, но только уже много лет спустя.

Отец Небесного Коня обладал холодным умом и был очень точным в делах; все более сливаясь с обществом белых людей, он повернулся спиной к индейскому наследию. Индеец очень гордился умением решать множество вопросов, ежедневно встававших перед ним. Он был прирожденным наблюдателем со способностью легко и всесторонне постигать человеческую природу и абсолютным пониманием того, что хотят слышать люди. Он успевал схватить суть дела еще до того, как человек закончил объяснение, быстро делал несколько замечаний и переходил к следующему пункту.

В деловых отношениях Бенджамен Ринг поступал по шаблону. Он умело убирал помехи на пути проекта, сосредотачиваясь на важнейших препятствиях, которые легко сметал, заключая очередную сделку, пока наконец однажды не понял, что смел со своего пути все, в том числе собственную семью. Единственный вопрос, который ему еще оставалось решить, – это была смерть. Его он и решил, выбросившись из окна своего кабинета на Шербрук-авеню.

Именно из-за этого отцовского поступка Дэниел Ринг начал подумывать о том, чтобы взять свое индейское имя Небесный Конь. Благодаря этому поступку и образу действий отца в целом он научился идти сквозь разную чепуху и завлекательные намеки на порядок прямо к единому великому делителю и решать все вопросы с ним – со смертью.

Лишь очень натренированный глаз мог разглядеть долю индейской крови в Небесном Коне. В чертах его лица она почти не проступала. У него были темные карие глаза и черные волосы, но при всем при том он выглядел бледнолицым, смуглым, но белой расы, как любой темноволосый мужчина, всего лишь с примесью чего-то иного, чужеродного.

И все же ему снились индейские сны. Сны о нем самом, как о крылатом убийце, сны о легендах, которым учила его бабка, Энни Твоукс, Хранительница Масок, легендах, к которым его отец, как считал сын, повернулся спиной. Прошлой ночью ему приснился один сон, и после душераздирающего напряжения этого сна он чувствовал себя опустошенным. Во сне он убивал человека в костюме из мелькающих серебристых образов, человек разрезал людей, заставлял их двигаться по-другому, говорить другие вещи, потом снова составлял их вместе, разрезал, складывал.

Он думал, что, наверное, убивает самого себя, но он никогда не надевал костюма для работы и потому стал думать, что же ему приснилось. Возможно, это был Стэн Ньюлэнд, пробравшийся в видения Небесного Коня. Но потом во сне появилась Алексис, человек мягко, потцовски положил руку ей на голову и со спокойным пониманием кивнул в сторону Небесного Коня. Человек не был похож на Стэна Ньюлэнда. Наоборот, он напоминал Алексис, он становился все больше и больше похож на Алексис, пока их лица не слились в одно и не стали гово-

речь одним искаженным ртом, и Небесный Конь проснулся, залитый легкостью, из-за которой ему пришлось вцепиться в матрас, чтобы удержаться в этом мире.

Небесный Конь знал, что Стэн Ньютленд не забудет о нем, что с ним попытаются разобратся.

Но Нью-Йорк огромный город, город, в котором он уже бывал дважды и потому был знаком с его планировкой и в толпе, в зимнем рождественском воздухе чувствовал себя в относительной безопасности. Но безопасность не может длиться вечно. В конце концов кто-нибудь его узнает и сообщит по своим каналам Ньютленду.

Если все пройдет по плану, то около Нового года он улетит в Испанию, когда количество рейсов заметно возрастет и сообщники Ньютленда едва ли сумеют его засечь, при условии что Ньютленд вообще не махнет рукой на это дело и что его сообщники не бросят поиски. Через считанные недели они с Алексис уже будут загорать на пляжах Коста-дель-Соль – в Торрелиносе, Фуэнхироле, Марбелье. Он хорошо знал побережье, знал казино и бело-коричневые отели, заселенные британцами, ирландцами, немцами и скандинавами, он бывал там много раз, чтобы остыть после работы, когда требовалось устранить сразу несколько человек. Белизна низеньких домиков в горных деревушках, разноцветные цветы и солнце освобождали его от сомнений и тьмы.

Стоя у «Матрицы», он ждал, когда туда войдет Алексис, как это всегда бывало примерно в 8.45 утра. В 9.35 он решил зайти в кафе на другой стороне улицы, на 57-й. Он знал, что ее зовут Алексис, потому что слышал, как ее позвал один тип – лысеющий очкарик, он пристроился к ней, когда Алексис вошла в здание. Тип позвал ее совсем так же, как Небесный Конь несколькими днями раньше. Но пока ему не удалось выяснить ее фамилию.

Оглядев тихое кафе и кабинки, где официантка вытирала со столов, он увидел на стене платный телефон и телефонную книгу на полочке ниже. Если бы он знал ее фамилию, то мог бы посмотреть в книге ее адрес. И тут его озарило. Заказав кофе у прилавка, он отвернулся, достал монету, кинул ее в щель телефонного аппарата и набрал по памяти рабочий номер Алексис.

– Доброе утро. «Рикнер и компаньоны».

– Доброе утро, будьте добры Алексис.

– Алексис Ив?

– Нет. Алексис... ой, кажется, я забыл ее фамилию.

– У нас здесь только одна Алексис. Вы уверены, что вы звоните в «Рикнер и компаньоны»?

– Вы занимаетесь сантехникой?

Вопрос позабавил секретаршу.

– Нет, сэр, извините. Это рекламное агентство.

– Простите, похоже, я ошибся номером.

Он повесил трубку. Значит, Алексис Ив. Какое чудесное имя. И там работает только одна Алексис. Это можно считать установленным. Наверняка это она. Он посмотрел в телефонной книге. Только одна Алексис Ив, проживает на Востоке на 116-й улице. Он бросил еще одну монетку в телефон и набрал ее номер, подождал гудка, глядя, как бизнесмены и покупатели проходят мимо по тротуару. Потом голос сказал:

– Алло.

– Алексис?

– Да.

– Алексис Ив?

– Да. – Тон стал подозрительным.

– Ты восхитительна.

– Дэрри? – Вдруг она страшно разозлилась. – Послушай меня, Дэрри...

Он подумал о непристойностях, о том, чтобы напугать ее, нарушить ее спокойствие, чтобы впоследствии он оказался тем, кто вернет ей равновесие.

– У тебя между ног уже мокро, Алексис?

– Дэрри?

– У тебя уже встали сосочки?

Молчание, она слушает. Трубку не кладет.

– Я тебя поставлю раком, сука.

Она ахнула, выдохнула и бросила трубку.

Небесный Конь аккуратно повесил трубку, он сделал это с закрытыми глазами, точно представляя расстояния перед собой. Он представлял себе ее лицо, представлял, как она нервничает, смаковал сладость ее голоса, испуганное выражение лица и как она стоит неподвижно, остолбенев от его слов. Иногда нужно переплыть реку грязи, чтобы очиститься. Ему хотелось быть рядом, чтобы успокоить ее.

Алексис опустила трубку на рычаг. Звонок подействовал ей на нервы. Она тут же подумала о том, чтобы позвонить в полицию, но, если иметь дело с полицией, хлопот не оберешься, а ей вовсе не хотелось сейчас устраивать себе новые проблемы. Ей уже как-то звонили с непристойностями. Обычно не туда попадали, или это были чьи-то дурацкие шутки. Но звонок больше чем что-либо еще заставил ее вспомнить о матери, и ей стало прямо-таки дурно, когда вдруг до нее дошло, что она не позвонила маме вчера, на пятую годовщину со дня смерти отца. Дэрри стер у нее всю память. Опять этот Дэрри. Она набрала номер матери, выслушала один гудок и тут же нажала отбой. Слишком быстро. Мама почувствует, что она не в своей тарелке. Она подождала, глубоко вдохнула и задержала дыхание, глядя на телефон, потом закрыла глаза. Выдохнув, она снова медленно вдохнула, потом открыла глаза и осторожно выдохнула.

Алексис подождала еще немного, взяла трубку, снова набрала номер матери и сосчитала гудки, пять, шесть, семь, всего пятнадцать гудков, прежде чем повесить трубку, надеясь, что если ее мама пошла по магазинам, чтобы чуть подбодриться, то успеет вернуться и добежать до телефона.

Алексис уже позвонила в банк насчет своих кредитных карт и все заблокировала. Это было даже весело, больше часа разговаривать с безмозглыми операторами. Новые карты можно будет забрать в банке утром. И на том спасибо, думала она, чувствуя себя совершенно не на своем месте без того ощущения безопасности, которое давали ей кредитные карты.

Она решила, что ей нужно принять ванну, чтобы смыть чувства стыда и вины. Она набрала полную ванну горячей воды, сбросила халат и ступила в ванну, чувствуя, как горячая вода ласкающе оживляет ее, и она говорила себе, что сегодня будет новый день, повторяла это снова и снова и набиралась сил.

Я больше не буду с этим мириться, сказала она себе. Не буду, громко говорила она в мыслях, пытаюсь выгнать непристойные слова из своей головы, пытаюсь не возбуждаться из-за них в своем с виду истомленном состоянии. Это неправильно. Она подумала о работе, проводя куском мыла по рукам и не обращая внимания на телефонный звонок, который прозвонил раз тридцать, прежде чем смолк. При внезапной мысли, что это могла звонить мама, она подскочила в ванне. Нет, уверила она себя, мама не стала бы так долго звонить. Еще одна проблема. Непристойные звонки. Если они продолжатся, придется поменять себе номер и объяснять всем почему. Она вздохнула.

После ванны она приняла душ, потом наконец-то позавтракала – розовым грейпфрутом, который порезала на дольки и съела, так же как и апельсиновый кекс с изюмом и отрубями, купленный в гастрономе в подвале дома. Потом она пойдет прогуляться в парке. Стоя с тарелкой и бумажной салфеткой в руке, она посмотрела на новый стереотелевизор, который купила

специально для того, чтобы смотреть музыкальные записи, и увидела несколько журналов на столике. Юбилейный выпуск «Пипл» с фотографией Ингрид Бергман на обложке привлек ее внимание, и ее сердце растаяло при воспоминании об отце, о матери и о том, что смерть сделала с этой женщиной.

Его убийцу так и не нашли. Жестокий подонок. У нее мелькнула мысль о фотографиях, которые она видела, полицейских снимках с телом отца, изувеченным почти до неузнаваемости. Никаких подозреваемых, но почти наверняка разборки между преступниками, сказали в полиции. Ей показали фотографии. «Вы не знаете, кто мог быть способен на такое? – спросили ее. – Друг? Враг?»

Она не могла назвать им никого из знакомых, никого, кто был бы способен на такую нечеловеческую жестокость.

Башня многоквартирного дома щекотала взгляд Небесного Коня, пока он обводил его во всю поразительную высоту, словно длинную каплю, которая наконец упала на землю.

Нью-Йорк очень напоминал ему Монреаль своими старыми серыми зданиями, космополитичной манерой женщин одеваться, но высота и современный вид новых зданий больше походили на Торонто. Он прочел латунную табличку: «Парквью-Хаус» и номер: 400, Восток, 116-я улица, – и неторопливо подошел к двойным стеклянным дверям. Никакой консьерж не прицепился к нему. Он вошел и прочел ряды имен напротив кнопок, нашел «А. Ив» в ряду пятнадцатого этажа: квартира 1504. Нажал кнопку и стоял, дожидаясь, а мимо него прошел человек с боксером на поводке и сунул ключ в замок, собака уставилась вверх и фыркнула. Небесный Конь улыбнулся, но мужчина с кустистыми седыми волосами и такими же усами только кивнул и вошел в дверь, плотно закрыв ее за собой.

– Да? – сказал хрипловатый голос из динамика.

Небесный Конь прислушался с улыбкой на губах. Красивый голос. Такой сверкающе чистый и легкий среди хлама и беспорядка этого города.

– Кто там?

Небесный Конь снова нажал кнопку.

– Да?

Он подождал еще несколько секунд, потом снова нажал кнопку и прислушался, но ответа не было. Он нажимал все кнопки на панели, дожидаясь, когда ему ответят, и говорил «Это я», пока наконец один из жителей, ожидавший гостя и услышавший стандартный ответ, не впустил его в дом. Этот трюк срабатывал всегда. Кто-то в доме обязательно ждал гостей. А он был тем, кого никогда не ждали. В том-то и фокус. В реализме.

8. Торонто

Бордовый «ягуар» затормозил рядом с Дженни Киф, издав весьма своеобразный сигнал. Когда она подошла и стекло в окне опустилось, первым делом ей в нос ударил запах кожи, а потом некрепкого дымка от тонкой сигары Стэна Ньюлэнда.

– Привет, – сказал Ньюлэнд, любезно улыбаясь и держа сигару пальцами руки, лежавшей на руле. – Я так и думал, что найду тебя где-нибудь здесь.

Дженни ответила ему широкой улыбкой, трепеща при виде приборной панели. Она еще никогда не видела ничего подобного вживую. Полированное дерево, счетчики, цифры напомнили ей картинку с яхтой, которую она как-то видела в журнале в кабинете психолога. К психологу ее отправили из школы, на консультацию, потому что она слишком много хулиганила, срывала уроки циничными выходками, – так про нее говорили. Психолог оказался настоящим придурком, он интересовался только тем, чтобы завалить ее на стол и стащить трусы, отшлепать и отыметь ее, а потом предложить денег за молчание. Дженни потратила деньги на то, чтобы купить несколько флажков виски «Южный покой», которые спрятала в своем школьном шкафчике.

– Не хочешь заморить червячка? – спросил Ньюлэнд, подмигивая.

– Какого? – спросила она.

Ньюлэнд снисходительно посмеялся, осторожно стряхнул сигарный пепел в пепельницу.

– В шикарном ресторане.

– А то.

Он протянул руку, разблокировал дверь, распахнул ее, не спуская глаз с Дженни. Прежде чем сесть в машину, Дженни оглянулась, нет ли поблизости других девчонок или парней. Ей хотелось удостовериться, что они увидят, как она садится в дорогую машину, но, к большому ее разочарованию, никого рядом не оказалось.

Ньюлэнд знал, что он рискует, лично подвозя девчонку, но он заслужил лишнее приключение, ощущение которого давал ему риск, что его заметят. Он получил кличку – Неон – из-за таких вот показных эскапад. Ему нравилось выставляться и шиковать. В остальное время, когда он был не в настроении общаться лично, один из его помощников, серьезнолицый парень по имени Родди Уэбб, поставлял ему готовеньких девочек, как правило уже с завязанными глазами и подавленных. Сначала он делал свое дело, а потом отходил в сторону, чтобы посмотреть на настоящее веселье.

Когда возбуждение от шума и яростного сопротивления начинало расти, он был не в силах устоять на ногах из-за того кайфа, который охватывал его, пока он смотрел, и ему приходилось садиться. Первый раз, когда он увидел убийство, он даже упал в обморок, он даже не понимал, что потерял сознание, пока не очнулся и не увидел, что сидит на стуле с запрокинутой головой. К тому времени на матрасе осталось только красное месиво с кусками и клоками плоти и пучками волос. Он встал и увидел, как в углу рвет Грэма Олкока, и подошел, чтобы хлопнуть его по спине с видом забавляющегося зрителя, а Родди Уэбб принес Олкоку стакан воды. «Запах – это что-то, а?» – сказал тогда Ньюлэнд, глубоко вдыхая и оглядываясь на изрезанные, неподвижные ноги, все еще скрепленные друг с другом, думая с внезапным приливом чувства: «Я хочу отыметь это месиво». Но это было бы слишком даже для той группы участников, которые собрались на их особую вечеринку. Это превратило бы его в обезумевшую скотину.

– Куда мы едем? – спросила Дженни, когда они повернули с Джарвис-стрит на запад, в сторону Карлтон-стрит, потом снова повернули на Янг-стрит и поехали на юг, миновали большую витрину музыкального магазина «Эйч-Эм-Ви» с тридцатью или сорока телевизорами, которые показывали видеоклипы.

– В Харборфронт на набережной Квинз, – сказал он. – Там отличные бутики. Мы тебя оденем с ног до головы.

Он взглянул на нее, посмотрел ей прямо в лицо и задержал взгляд, несмотря на искушение опустить глаза на ее грудь или джинсы, складку между ног. Он знал, что она должна ему поверить. Он должен быть не таким, как другие. Должен интересоваться только ее лицом, тем, что она думает, что она хочет от жизни. И дать ей все это, все, чего она хочет, прежде чем забрать целиком всю ее новую жизнь. Взять плату. Подходящая цена за оказанное сочувствие.

– Правда?

– Потом поужинаем в каком-нибудь прелестном ресторанчике. Как тебе «Мёвенпик» в Йорквиле?

– Не была там.

– Там мило. Фонарики над столиками. Шикарное место.

Рискованно, рискованно, думал он, знакомое нахлынувшее чувство уже заставило гореть его щеки, его дыхание становилось горячим. Он должен заставить себя не представлять, как затащит ее в мужской туалет ресторана и будет заниматься с ней сексом, сунув ее головой в унитаз, его мозг спешил вообразить насилие, которое уничтожит ее, раскроет ее настежь, чтобы он полностью овладел ею. Заполнил ее. Сделал своей собственностью.

– Здорово.

Дженни засунула руки между коленей и огляделась вокруг, жуя жвачку и улыбаясь. Они проехали мимо большой серебристой маски на крыше здания, потом, дальше, мимо большой электрической вывески со вспыхивающими словами, смысла которых она не успела понять, и въехали на мост с надземными железнодорожными путями.

– Прекрасно поужинаем, – сказал Ньюлэнд, разглядывая ее.

Это будет сегодня. Все подготовлено, если ничто не помешает. Если девчонка согласна. Думая об этом, он хрипло задышал, и на его щеках выступил малиновый румянец.

Дженни посмотрела на него, услышав негромкое сопение.

– Эй, тебе плохо?

Ньюлэнд улыбнулся и покачал головой.

– Нет, мне хорошо, как никогда.

Он повернул направо у здания «Торонто стар» на набережной и направился на запад. Он наклонился к ней, взял за плечо и прижал к себе, обнимая, потом поцеловал в макушку.

– Ты мой ангелочек.

Дженни вся сияла, когда снова выпрямилась.

– Спасибо, – сказала она, теплея от его отцовской теплоты, чуть задохнувшись, ее глаза влажно блестели. – Не знаю, что бы я делала, если бы не встретила тебя.

9. Нью-Йорк

Небесный Конь смотрел на меняющиеся числа над дверью лифта, спускавшегося с пятнадцатого этажа. Скорее всего, это Алексис. Он повернулся к двери на лестницу, открыл ее и взбежал вверх, не дожидаясь появления Алексис. Небесный Конь расстегнул верхнюю пуговицу хлопавшего по ногам пальто, широкими шагами поднялся наверх и, наконец, оказался у двери с номером 15.

Он схватил ручку и распахнул дверь, за которой его ждало спокойствие застеленного ковровым коридора. Шагнул на этаж, он задержался, чтобы взглянуть на ближайший номер – 1510, потом направился вперед по коридору, пока не нашел квартиру с номером 1504, где он остановился и, тяжело дыша, осторожно прислонил ухо к двери.

Прислушиваясь к тому, что происходит вне его тела, он ничего не услышал, легонько постучал костяшками пальцев, настроился на звук шагов, надеясь, что в квартире паркетный пол, а не ковер, прислушиваясь, словно взломщик сейфов к правильной комбинации щелчков, надеясь, что он услышит их и ему хватит времени отойти. Сердцебиение начало стихать, пока он держался за дверную ручку, сжимая ее все крепче, готовый крепко вцепиться, когда Алексис ответит на стук, не дать ей повернуть ручку, запереть ее там и потом сбежать, как только у нее начнется истерика. Но изнутри не доносилось ни звука, ни движения. Квартира была пуста и полностью готова для его прихода.

Небесный Конь отошел к большому окну в конце коридора, глядевшему на фасад другого здания, и посмотрел вниз на козырек подъезда, игнорируя чистый, великолепный вид на неровные силуэты расплывшихся домов. Никого не заметив, он бросил взгляд на улицу и увидел, что Алексис направляется в сторону Лексингтон-авеню.

Ключи в его связке подходили к любому замку. В ключах он разбирался как знаток. С замками у него никогда не было трудностей. Дверь Алексис поддалась без труда. Оказавшись в квартире, он с восторгом вдохнул ее запах. Ее личный запах. Он чувствовал ее, там жило ее тепло, тепло ее жизни.

Отглядев гостиную, он увидел белый диван и коврик в бело-сиреневую полоску, тот же оттенок сиреневого повторялся на вертикальных жалюзи на окнах. Он прошел в кухню и увидел на стойке ее тарелку, кожуру и косточки грейпфрута. Он потрогал выпуклый орнамент в виде яблок на фарфоре и почувствовал ее тепло, ее прикосновение к тарелке всего несколько минут назад, и по его телу пробежала дрожь, словно он таял от удовольствия при поцелуе.

У Алексис была изысканная спальня, вся в кремовом цвете – покрывало на кровати, стены, мебель, все такое успокаивающее, такое расслабляющее. Он наклонился и потрогал край кровати, почувствовал пальцами ткань покрывала. Подошел к туалетному столику и взял флакон духов «Опиум», понюхал и оценивающе хмыкнул. Дотронулся кончиками пальцев до тюбиков с помадой и тушью, провел по золотистой металлической ручке щетки для волос, потом по ручке парного к щетке зеркала.

Какая элегантность. Утонченность. Уединенность. Сколько людей живет вот так, в одиночестве, и он, Небесный Конь, хотел их близости, хотел исследовать ее. Ее вещи привели его в такой восторг, что он чуть не упустил из внимания звук поворачиваемого в замке ключа, в это время он стоял лицом к ее кровати, с закрытыми глазами, думая о нагой Алексис, о том, как он нежно ласкал бы и целовал ее всю, потом осторожно занимался бы с ней любовью. Ее кожа цела, нигде ни единой ранки, только чистая, безупречная плоть, и больше нет никого, кто бы ее увидел, прикасался к ней. Перспектива этого похожего на сон, исцеляющего желания, казалось, нежит и ослабляет его, но это ощущение улетучилось, когда до него дошло, что в замке поворачивается ключ, и донесся звук открывающейся входной двери, кто-то вошел, раздались

шаги, тяжелее, чем он думал, потом низкое, приглушенное покашливание мужчины. Небесный Конь свирепо обернулся к двери спальни. Чужой мужчина в квартире. Незванный гость.

* * *

Морти тоже взял выходной и сказал своей азиатской секретарше Эдриенн Чен, чтобы она только записывала, кто что передавал. Он будет отсутствовать по важным делам и придет в офис на следующее утро к встрече с новым клиентом Скайлером Дэниелсом.

Морти хотел ближе подобраться к Алексис и узнать, не соблазнится ли она мыслью посмотреть бродвейское шоу, великую пьесу Сэма Шепарда, или походить по галереям на 57-й, может, даже поужинать, выпить чего-нибудь. Он думал, что она благосклонно отнесется к его авансам, к тому, что он дал ей выходной. Она будет расслабленной, может быть, даже благодарной, будет чувствовать себя в долгу перед ним. Нет, это уж он размечтался, сказал он себе. Не надо быть таким глупым шовинистом и рассуждать как болван.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.